

Ф. М. БУРЛАЦКИЙ

Хрущев. Штрихи к политическому портрету

Как могло случиться, что после Сталина к руководству страной пришел именно Хрущев? Вроде бы Сталин сделал все, чтобы «очистить» партию от любых своих противников — подлинных и мнимых, «правых» и «левых». В 50-х годах передавалась из уст в уста якобы одна из его афористичных фраз: «Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы». В результате в живых остались, казалось бы, самые верные, самые надежные. Как же Сталин не разглядел в Хрущеве могильщика своего культа?

В последние годы, незадолго до кончины, Сталин подверг опале Молотова и Микояна¹, готовя им, вероятно, такую же участь, какая постигла других руководителей, уничтоженных при их помощи и поддержке. Создание на XIX съезде Президиума ЦК КПСС, заменившего более узкое по своему составу Политбюро, было шагом к «отстрелу» следующей генерации засидевшихся соратников. Но Сталин — парадокс! — «не грешил» на Хрущева.

Старческое ослепление? Пожалуй, нет. Никколо Макиавелли, этот блистательный разоблачитель тирании, бросил некогда фразу: «Брут стал бы Цезарем, если бы притворился дураком». Думается, Хрущеву каким-то образом удалось притвориться человеком вполне ручным, без особых амбиций. Рассказывали, что во время длительных ночных посиделок на ближней даче в Кунцеве, где вождь жил последние годы, Хрущев отплясывал гопака. Ходил он в ту пору в украинской косоворотке, изображая «щирога казака», далекого от каких-либо претензий на власть, надежного исполнителя чужой воли. Но, видимо, уже тогда Хрущев глубоко затаил в себе протест. И это выплеснулось на другой день после кончины Сталина.

Хрущев пришел к власти не случайно и одновременно случайно. Не случайно потому, что он был выразителем того направления

в партии, которое в других условиях и, вероятно, по-другому оказалось представлено такими во многом несхожими деятелями, как Дзержинский, Бухарин, Рыков, Рудзутак, Киров. Это были сторонники развития нэпа, демократизации, противники насильственных мер в промышленности или в сельском хозяйстве, а тем более в культуре. Несмотря на жестокие сталинские репрессии, это направление никогда не умирало. В этом смысле приход Хрущева был закономерным.

Но, конечно, здесь был и большой элемент случайности. Если бы Маленков столкнулся с Берией, если бы «сталинская гвардия» сплотилась в 1953 г., а не в июне 1957 г., не быть бы Хрущеву лидером. Сама наша история могла пойти по несколько иному руслу. Нам трудно сделать это допущение, но на самом деле все висело на волоске.

И все же история сделала правильный выбор. То был ответ на реальные проблемы нашей жизни. Все более нищавшая и, по сути, полуразрушенная деревня, технически отставшая промышленность, острейший дефицит жилья, низкий жизненный уровень населения, миллионы заключенных в тюрьмах и лагерях, изолированность страны от внешнего мира — все это требовало новой политики, радикальных перемен. И Хрущев пришел — именно так! — как надежда народа, предтеча Нового Времени.

Нас тогда глубоко волновало все, что было связано с XX съездом КПСС. Как решился Хрущев выступить с докладом о Сталине, зная, что подавляющее большинство делегатов будет против разоблачений? Откуда он почерпнул такое мужество и такую уверенность в конечном успехе? То был один из редчайших случаев в истории, когда политический руководитель поставил на карту свою личную судьбу и даже жизнь во имя высших общественных целей. В составе послесталинского руководства не было ни одного деятеля, который решился бы выступить с подобным докладом о культе личности. Хрущев, и только Хрущев, на мой взгляд, мог сделать это — так смело, так эмоционально, а во многих отношениях и так необдуманно. Надо было обладать натурой Хрущева — отчаянностью до авантюризма, надо было пройти через испытания страданием, страхом, приспособленчеством, чтобы решиться на такой шаг. Бесспорно, интересна его собственная оценка момента, прозвучавшая во время встречи с зарубежными гостями:

— Меня часто спрашивают, как это я решился сделать тот доклад на XX съезде. Столько лет мы верили этому человеку! Поднимали его. Создавали культ. И вдруг такой риск... Уж поскольку меня избрали Первым, я должен, обязан был сказать правду. Сказать правду о прошлом, чего бы это мне ни стоило и как бы

я ни рисковал. Еще Ленин нас учил, что партия, которая не боится говорить правду, никогда не погибнет². Мы извлекли уроки из прошлого и хотели бы, чтобы такие уроки извлекли и другие братские партии, тогда наша общая победа будет обеспечена.

Но дело было, конечно, не только в чувстве долга, о котором говорил Первый секретарь. Мне не раз приходилось слушать воспоминания Хрущева о Сталине. Это были пространные, нередко многочасовые размышления-монологи, как будто разговор с самим собой, со своей совестью. Он был глубоко ранен сталинизмом. Здесь перемешалось все: и мистический страх перед Сталиным, способным за один неверный шаг, жест, взгляд уничтожить любого человека, и ужас из-за невинно проливаемой крови. Здесь было и чувство личной вины, и накопленный десятилетиями протест, который рвался наружу, как пар из котла... Характерна в этом смысле его речь, произнесенная на банкете в Кремле, где присутствовали участники Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1960 г.

Старшее поколение, конечно, помнит эту характерную личность, а младшее, наверное, никогда не видело даже его портретов. В ту пору ему было уже за 60 лет, но выглядел он очень крепким, подвижным и до озорства веселым. Его широкое лицо с двумя бородавками и огромный лысый череп, крупный курносый нос и сильно оттопыренные уши вполне могли принадлежать крестьянину из среднерусской деревни. Это впечатление, так сказать, простонародности усиливалось плотной полноватой фигурой и длинными руками, которые почти непрерывно жестикулировали. И только глаза, маленькие, серо-синие, с острым взглядом, глаза, излучавшие то доброту, то властность и гнев, только, повторяю, глаза выдавали в нем человека сугубо политического, прошедшего огонь, воду и медные трубы и способного к самым крутым поворотам.

Именно таким я увидел его тогда и таким запомнил, хотя больше все-таки привлекла меня сама речь. То, что я услышал, при мне повторялось по меньшей мере еще дважды в другой обстановке, более камерной, в присутствии всего нескольких человек. Но что удивительно — он повторял этот рассказ почти слово в слово.

— Когда Сталин умер, мы, члены руководства ЦК, приехали на ближнюю дачу в Кунцево. Он лежал на диване, и врачей возле него не было. В последние месяцы своей жизни Сталин редко прибегал к помощи врачей, он их боялся. Берия его, что ли напугал, или сам он поверил, что врачи плетут какие-то заговоры против него и других руководителей. Пользовал его тогда майор из охраны, который был когда-то ветеринарным фельдшером. Он же и позвонил о кончине Сталина...

Стоим мы возле мертвого тела, почти не разговариваем, каждый о своем думает. Потом стали разъезжаться. В машину садились по двое. Первыми уехали Маленков с Берией, потом Молотов с Кагановичем. Тут Микоян и говорит мне: «Берия в Москву поехал власть брать». А я ему: «Пока эта сволочь сидит, никто из нас не может чувствовать себя спокойно». И крепко мне тогда запало в сознание, что надо первым делом Берию убрать. А как начать разговор с другими руководителями?..

И вот прошло время, и я стал объезжать по одному членов Президиума. Опаснее всего было с Маленковым, друзья ведь были с Лаврентием. Ну, я приехал к нему, так и так, говорю, пока он гуляет на свободе и держит в своих руках органы безопасности, у нас всех руки связаны. Да и неизвестно, что он в любой момент выкинет, какой номер. Вот, говорю, специальные дивизии почему-то к Москве подтягиваются.

И надо воздать должное Георгию — в этом вопросе он поддержал меня, переступил через личные отношения. Видимо, сам боялся своего дружка. А Маленков тогда был Председателем Совмина и вел заседания Президиума ЦК. Словом, ему было что терять, но в конце разговора он сказал: «Да, верно, этого не избежать. Только надо сделать так, чтобы не получилось хуже».

Потом я поехал к Ворошилову. Вот здесь сидит Климент Ефремович, он помнит. С ним пришлось говорить долго. Очень он беспокоился, чтобы не сорвалось все. Верно я говорю, Климент?

— Верно, верно, — громко подтвердил Климент Ефремович. — Только бы войны не было, — прибавил он почему-то не совсем кстати.

— Ну, насчет войны — это отдельный разговор, — заметил Первый, — Значит, поехал я тогда к Кагановичу, выложил ему все, а он мне так: «А на чьей стороне большинство? Кто за кого? Не будет ли его кто поддерживать?» Но когда я ему рассказал обо всех остальных, он тоже согласился.

И вот пришел на заседание. Сели все, а Берии нет. Ну, думаю, дознался. Ведь не сносить нам тогда головы. Где окажемся завтра, никто не знает. Но тут он пришел, и портфель у него в руках. Я сразу сообразил, что у него там! У меня на этот случай тоже было кое-что припасено...

Тут рассказчик похлопал себя по правому карману широкого пиджака и продолжал:

— Сел Берия, развалился и спрашивает: «Ну, какой вопрос сегодня на повестке дня? Почему собрались так неожиданно?» А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: «Открывай заседание, давай мне слово». Тот побелел, смотрю, рта раскрыть не может. Тут

я вскочил сам и говорю: «На повестке дня один вопрос. Об антипартийной, раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение вывести его из состава Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду. Кто "за"?» И первый руку поднимаю. За мной остальные. Берия весь позеленел — и к портфелю. А я портфель рукой цап! И к себе! Шутись, говорю! Ты это брось! А сам нажимаю на кнопку. Тут вбегают два офицера из военного гарнизона Москаленко (я с ними договорился заранее). Я им приказываю: «Взять этого гада, изменника Родины, и отвести куда надо». И тут Берия стал что-то бормотать, бормотать... А ведь такой герой был других за холку брать и к стенке ставить. Ну, остальное вы знаете...

— Так вот, я хочу выпить, — тут он взял рюмку, — за то, чтобы такое никогда и нигде больше не повторилось. Мы сами смыли это грязное пятно и сделаем все, чтобы создать гарантии против подобных явлений в будущем. Я хочу вас заверить, товарищи, что мы такие гарантии создадим и все вместе пойдем вперед к вершинам коммунизма!

Впоследствии Хрущев многократно возвращался к своему рассказу об аресте Берии и вносил в него новые детали. Самые главные из них касаются реакции различных руководителей на предложение устранить этого палача. Колебался не только Ворошилов, долго приценивался Каганович, спрашивал настойчиво, кто за и кто против, и даже Микоян, с которым Хрущев, собственно, и начал первый разговор, считал вначале, что, быть может, Берия не безнадёжен и еще сможет работать в коллективе. Несколько иначе выглядел и самый арест. В 1960 году Хрущев умалчивал о роли Г. К. Жукова, поскольку он незадолго до этого добился его освобождения с руководящих постов³. Позднее честность взяла верх над конъюнктурными соображениями. Хрущев признал, что главную роль в аресте сыграл Жуков вместе с Москаленко и другими военными. К слову, мне рассказывал интересный человек, В. Е. Лесничий, партийный работник одного из подмосковных научно-исследовательских центров, о выступлении Г. К. Жукова перед их коллективом. Жуков вспоминал о Берии, которого ненавидел всей силой своей неукротимой души.

По словам Жукова, в 11 часов в тот самый день, когда должны были взять Берию, раздался звонок. «Хрущев говорит: «Георгий Константинович, прошу приехать ко мне, есть очень важное дело». Сажусь в машину, приезжаю, открываю кабинет, он встает из-за стола, подходит ко мне, берет меня за руки и говорит: «Георгий Константинович, сегодня надо арестовать подлеца Берию. Ни о чем не спрашивайте, я потом расскажу». Я вздохнул,

закрыв глаза и сказал: «Никита Сергеевич, я жандармом никогда не был, но эту жандармскую миссию выполняю с большим удовольствием. Что надо делать?» Хрущев сказал: «Вы берете с собой генералов, проводите их через Боровицкие ворота, приходите в приемную, где будет заседание Президиума, ждете звонка, заходите, берете его и сидите до трех часов утра, пока не будет снят весь караул, затем придет майор, назовет пароль, вы сдадите Берию. Вот и все».

Именно Хрущев по собственной инициативе выдвинул задачу создать прочные гарантии против рецидивов культа личности. Он вел бескомпромиссную борьбу за это внутри страны и на международной арене, не считаясь с теми издержками, которые такая борьба могла привести в отношения с теми или иными странами, входившими в социалистический лагерь.

Главное значение Хрущев придавал идеологической стороне дела, необходимости до конца разоблачить культ личности, высказать правду о преступлениях 30-х годов и других периодов. Но сама эта правда, увы, была половинчатой, неполной. С самого начала Хрущев споткнулся на проблеме личной ответственности, поскольку многие в партии знали о той роли, которую сыграл он сам в преследовании кадров и на Украине, и в Московской партийной организации. Не сказав правды о себе, он не смог сказать всей правды о других. Поэтому информация об ответственности различных деятелей, не говоря уж об ответственности самого Сталина, за допущенные преступления носила односторонний, а нередко двусмысленный характер. Она находилась в зависимости от политической конъюнктуры. Например, разоблачая на XXII съезде КПСС В. Молотова и Л. Кагановича за избиение кадров в 30-х годах, Хрущев умалчивал об участии А. Микояна, который впоследствии стал его надежным союзником. Говоря о 30-х годах, Хрущев тщательно обходил период коллективизации, поскольку был лично замешан в перегибах того времени.

Хрущев стремился сформировать у всех членов Президиума ЦК общее отношение к культу Сталина. По его указанию каждый из выступивших на XXII съезде представителей руководства должен был определить свое отношение к этому принципиальному вопросу. После съезда, однако, оказалось, что многие из тех, кто метал громы и молнии против культа личности, легко пересмотрели свои позиции и вернулись, по сути, к прежним взглядам.

Проблема гарантий против режима личной власти натолкнулась на непреодолимое препятствие — ограниченность политической культуры самого Хрущева и тогдашней генерации руководителей. То была во многом патриархальная культура, почерпнутая

из традиционных представлений о формах руководства в рамках крестьянского двора. Патернализм, вмешательство в любые дела и отношения, непогрешимость патриарха, нетерпимость к другим мнениям — все это составляло типичный набор вековых представлений о власти в России.

В этом отношении показательны события, последовавшие за июньским Пленумом 1957 г. На нем, как известно, представители старой, «сталинской гвардии» посредством так называемого «арифметического большинства» стали добиваться изгнания Хрущева. В результате голосования в Президиуме ЦК КПСС было принято решение об освобождении его с поста Первого секретаря. Это решение, однако, удалось поломать благодаря усилиям горячих сторонников Хрущева. Выдающуюся роль в разгроме сталинистов сыграл маршал Г. К. Жуков. Как рассказывали тогда, во время заседания Президиума ЦК КПСС Жуков бросил историческую фразу в лицо этим людям: «Армия против этого решения, и ни один танк не сдвинется с места без моего приказа». Эта фраза в конечном счете стоила ему политической карьеры.

Вскоре после июньского Пленума Хрущев добился освобождения Г. К. Жукова с поста члена Президиума ЦК КПСС и министра обороны СССР. Сделано это было в традиционном для того времени духе — в момент, когда маршал находился в зарубежной командировке. Ему не было предоставлено минимальной возможности объясниться, точно так же, как не было дано необходимого разъяснения партии и народу о причинах изгнания с политической арены самого выдающегося полководца Великой Отечественной войны. И причина изгнания была опять-таки традиционная — страх перед сильным человеком.

Сейчас, почти четверть века спустя, сравнивая период до и после октября 1964 г., мы лучше видим силу и слабость Хрущева. Главная его заслуга состояла в том, что он сокрушил культ личности Сталина. Это оказалось необратимым, несмотря на все трусливые попытки водворить пьедестал на прежнее место. Не вышло. Значит, вспашка была достаточно глубокой. Значит, пахарь трудился не зря. Мужественное решение о реабилитации многих коммунистов и беспартийных, подвергшихся репрессиям и казням в период культа личности, восстанавливало справедливость, истину и честь в жизни партии и государства. Мощный, хотя и не во всех отношениях эффективный и умелый, удар был нанесен по сверхцентрализму, бюрократизму и чиновному чванству.

Мирное сосуществование, провозглашенное на XX съезде КПСС, после потрясения в период карибского кризиса становилось все более прочной платформой для соглашений, деловых компромиссов

с Западом. К эпохе «оттепели» восходят истоки Заключительного акта в Хельсинки⁴, который закрепил итоги второй мировой войны и декларировал новые международные отношения, экономическое сотрудничество, обмен информацией, идеями, людьми.

Мне доводилось слышать, как Хрущев понимал свою роль в истории нашей страны. Он говорил, что Ленин вошел в нее организатором революции, основателем партии и государства, а Сталин, несмотря на свои ошибки, человеком, который обеспечил победу в кровавой войне с фашизмом. Свое предназначение Хрущев видел в том, чтобы дать мир и благосостояние советскому народу. Он не раз говорил об этом как о главной цели своей деятельности.

Проблема, однако, заключалась в том, что он неясно представлял средства для осуществления этих целей. Несмотря на весь свой радикализм, он отверг критическое замечание Пальмиро Тольятти, который советовал искать корни культа личности в сложившейся системе, хотя Тольятти конечно же не ставил вопроса о замене социализма капитализмом, а имел в виду только изменение режима личной власти.

Жажда новизны, деятельный характер были органическими чертами Хрущева. Широкая программа восстановления сельского хозяйства, создание совнархозов, интенсивное жилищное строительство, техническое перевооружение промышленности. Паспортная система в деревне, пенсионное обеспечение крестьян, повышение зарплаты низкооплачиваемым категориям трудящихся. Подготовка новой Программы партии, обновление основных законов, изменение принципов и стиля отношений с Западом. И даже знаменитая эпопея с кукурузой... Во всем отражался поиск своих путей и решений, его неумный общественный темперамент. Хрущевское время было пропитано духовным возрождением, хотя процесс этот и носил явную печать прошлой эпохи, был противоречивым и нередко малоэффективным.

Во времена Хрущева положено начало перелому в развитии сельского хозяйства — повышены закупочные цены, резко уменьшено бремя налогов, стали применяться новые технологии. Освоение целины при всех недостатках сыграло свою роль в обеспечении населения продовольствием. Хрущев пытался повернуть деревню к зарубежному опыту, первой сельскохозяйственной революции. И даже его увлечение кукурузой было продиктовано благими намерениями, хотя и сопровождалось наивными крайностями. Худую роль сыграла также гигантомания в деревне, сокращение приусадебных хозяйств.

С именем Хрущева, напомним, связаны крупнейшие достижения в области науки и техники, позволившие создать фундамент для

достижения стратегического паритета. До сих пор у всех перед глазами стоит встреча Юрия Гагарина с Хрущевым, ознаменовавшая прорыв нашей страны в космос.

В ту пору партия приступила к решению многих социальных проблем. Жизненный уровень населения в городе и деревне стал постепенно расти. Однако намеченные экономические и социальные реформы захлебнулись.

Серьезный удар по надеждам реформаторов нанесли трагические события в Венгрии в 1956 г. Но не последнюю роль сыграла и самоуверенность Никиты Сергеевича, его беспечность в вопросах теории и политической стратегии. «Хрущевизм» как концепция обновления социализма не состоялся. Если воспользоваться образом, который так любил главный оппонент Первого секретаря Мао Цзэдун, Хрущев ходил на двух ногах: одна смело шагала в новую эпоху, а другая безвылазно застряла в тине прошлого.

Вопрос о гарантиях против повторения где бы то ни было культа личности и его отрицательных последствий занял большое место при подготовке Программы партии. Мне довелось участвовать в этой работе. Помню, в частности, как готовилась записка в Президиум ЦК КПСС о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству, что имело важное значение, поскольку стереотип диктатуры пролетариата использовался в 30-х годах для обоснования репрессий. Записка была направлена О. В. Куусиненом и вызвала буквально скандал среди многих руководителей. Я сидел в кабинете у Куусинена, когда один из членов руководства кричал ему по телефону: «Как вы могли покуситься на святая святых ленинизма — на диктатуру пролетариата?» И только благодаря энергичной поддержке Хрущева эта идея попала в Программу партии.

Один из практических выводов, если говорить о прошлом, был связан также с более последовательным осуществлением принципа сменяемости кадров. Этот вопрос вызвал больше всего споров. Идея ротации кадров, которая исходила непосредственно от Первого, претерпела ряд изменений. Было проработано не менее 10 вариантов формулировок, которые бы дали ей адекватное воплощение. Хрущев хотел создать хоть какие-то гарантии против чрезмерного сосредоточения власти в одних руках, «засиживания» руководителей, старения кадров на всех уровнях, начиная с первичных организаций и кончая верхним эшелоном. Что касается первичной организации, то это не вызвало особых споров. Но относительно ротации наверху мнения разошлись кардинальным образом. В этом пункте даже ему, с его авторитетом, упорством и настойчивостью, пришлось отступить.

В первоначальном проекте фиксировались принципы, согласно которым можно находиться в составе высшего руководства не больше двух сроков. Это вызвало бурные протесты более молодой части руководителей. Им казалось крайне несправедливым, что представители старшего поколения, которые уже «насиделись», пытаются ограничить их возможности. В следующем проекте два срока были заменены на три, но и эта формулировка была отвергнута. В окончательном тексте весь замысел — создать новую процедуру сменяемости кадров — оказался препарированным до неузнаваемости.

Кроме того, немалую роль в этом сыграла и известная слабость Хрущева как руководителя. За ним давно закрепились репутация человека, который ходит «в стоптанных тапочках». Была замечена еще в период его работы в Киеве, а затем в Москве неспособность разбираться в кадрах. Он был всегда склонен скорее полагаться на льстецов, чем на подлинных сторонников его реформаторских преобразований. Поэтому он окружал себя такими людьми, как, например, Н. Подгорный, которые в рот ему глядели и готовы были взяться за любое его поручение. Поэтому же ему мало импонировали самостоятельные, крупные личности, независимые характеры. Хрущев был слишком уверен в себе, чтобы искать опору в других. И это стало одной из причин его падения. Люди, которые в глубине души не разделяли его реформаторских взглядов, считали их проявлением некомпетентности или даже чудачеством, при первом же удобном случае избавились от него...

Правда, одно время Хрущев тянулся к более интеллигентным кадрам в партийном аппарате. Достаточно напомнить его отношение к Д. Шепилову, которого он выдвинул на посты секретаря ЦК, министра иностранных дел. Однако поведение Шепилова в ходе июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС навсегда отвратило Хрущева от «интеллигентиков».

Сыграли свою роль в отношениях Хрущева с интеллигенцией и торопливость, стремление вмешаться в любой вопрос и быстро его решить. Тут он нередко оказывался игрушкой небескорыстных советчиков, а то и скрытых противников, готовивших его падение. Хорошо помню, что посещение им художественной выставки в Манеже было спровоцировано специально подготовленной справкой. В ней мало говорилось о проблемах искусства, зато цитировались подлинные или придуманные высказывания литераторов, художников о Хрущеве, где его называли «Иваном-дураком на троне», «кукурузником», «болтуном». Заведенный до предела, Хрущев и отправился в Манеж, чтобы устроить разнос художникам. Таким же приемом тайные противники Хрущева

втирали его в историю с Б. Пастернаком, добились через него отстранения с поста президента АН СССР А. Несмеянова* в угоду Лысенко, рассорили с многими представителями литературы, искусства, науки.

Человек идет дальше всего, когда он не знает, куда идет, говорили древние. Но шаг его при этом извилист и неровен — он то резко вырывается вперед, то сильно откатывается обратно. Так выглядели многие экономические и социальные реформы Хрущева.

Экономическая политика оставалась одним из наиболее уязвимых мест в его деятельности. Он видел задачу в основном в изменении методов руководства экономикой на аппаратном уровне — в Госплане, совнархозах, министерствах, но не понимал значения глубоких структурных реформ, которые меняют условия труда и жизни непосредственных производителей — рабочих, крестьян, научно-технической интеллигенции.

Особенно неблагоприятно такой подход сказался при подготовке Программы партии 1961 г. Самые большие споры вызвало предложение включить в Программу цифровые материалы об экономическом развитии страны и ходе экономического соревнования на мировой арене. С этим предложением приехал на одно из заседаний председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР А. Засядько. Доклад, который он сделал в рамках рабочей группы, показался всем участникам легкомысленным и ненаучным. Выкладки о темпах развития советской экономики и экономики США фактически были взяты с потолка — они выражали желаемое, а не действительное.

Однако сам Засядько легко положил конец разгоревшейся дискуссии. Он открыл первую страницу книжки в синем переплете с машинописным текстом примерно на 80 страницах и показал резолюцию: «Включить в Программу» и знакомую подпись Первого. Так в Программу партии оказались включены цифровые выкладки о том, как мы в 80-х годах догоним и перегоним Соединенные Штаты. Порывы были высокие, но, как говорится, кроме амбиций нужна еще и амуниция.

Надо, впрочем, попытаться представить себе общий дух того времени. Хотя мало кто верил в цифры Засядько, энтузиазма и оптимизма у нас хватало. И базировались эти чувства вовсе не на пустом месте, все были убеждены, что принимаемая Программа открывает этап крупных структурных преобразований

* В 1961 г. А. Н. Несмеянова на посту президента АН СССР сменил М. В. Келдыш.

и сдвигов — иначе зачем было бы принимать и утверждать новую Программу. И даже уход Хрущева не остановил дела. В сентябре 1965 г. состоялся-таки Пленум ЦК КПСС о хозяйственной реформе⁵. Отрицательное отношение к ней Брежнева свело, однако, на нет усилия предыдущей эпохи.

Еще хуже обстояло дело с преобразованиями в области государственного управления и структуры партийного руководства. Кто «подсунул» Хрущеву идею разделения обкомов и райкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные? Интуитивно я убежден, что это было сделано не без злого умысла — чтобы окончательно подорвать его авторитет среди партийных руководителей.

Названные ошибки были поставлены Хрущеву в вину на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС. На нем сложился странный симбиоз политических сил — от сторонников последовательного продвижения по пути XX съезда до консерваторов и затаившихся сталинистов, все они сплотились против лидера, который вывел «наверх» большинство из них. Последующие события не оставили сомнений в том, что Хрущев был отстранен не столько за волюнтаризм, сколько за неумную жажду перемен. Лозунг «стабильности», выдвинутый преемниками, надолго затормозил назревшие реформы. Само слово «реформа», как и упоминание XX съезда, стало опасным и стоило многим сторонникам этого курса политической карьеры.

Время не рассеяло бесчисленные мифы вокруг имени Хрущева у нас и за рубежом. Разделив судьбу других реформаторов, Хрущев не снискал объективного признания в массовом сознании. Народ, который когда-то возвышал Ивана Грозного и осуждал Бориса Годунова, не мог принять после Сталина общественного деятеля, лишенного мистической магии, земного и грешного, подверженного ошибкам и заблуждениям. Шолохову еще в период «оттепели» приписывали фразу о Сталине: «Конечно, был культ, но была и личность». То был скрытый упрек Хрущеву как куда менее значительной фигуре. Упрек человеку, который будто бы, подобно шекспировскому Клавдию, стащил корону, валявшуюся под ногами.

А тем временем в странах Запада Никиту Хрущева ставили на одну ступеньку с Джоном Кеннеди и папой Иоанном XXIII и видели истоки ухудшения международного климата в конце 60-х годов в том, что эти лидеры по разным причинам сошли с политической арены. Появилось множество книг, посвященных анализу «хрущевизма» как нового течения в социализме.

Можно было бы сказать — нет пророков в своем Отечестве, но это было бы неточно. Вопрос глубже и сложнее. Пожалуй, ближе

других к оценке Хрущева подошел Эрнст Неизвестный, с которым Хрущев вел свою кавалерийскую полемику в Манеже. Созданный скульптором памятник на могиле Хрущева — бронзовая голова на фоне белого и черного мрамора досок — удачно символизировал противоречивость «оттепели» и ее главного героя.

Отвечая на вопрос, почему в 60-х годах реформы потерпели поражение, можно было бы сказать и так: консервативные силы смогли взять верх над реформаторами потому, что аппарат управления да и все общество были еще не готовы к радикальным переменам. Но это слишком общий ответ. Нужно попытаться выяснить, чем воспользовались консерваторы.

Одна из ошибок состояла, на мой взгляд, в том, что поиск концепции реформ и путей их осуществления был основан на традиционных административных и даже бюрократических методах. Хрущев обычно давал поручения о «проработке» тех или иных проблем — экономических, культурных, политических — министерствам, ведомствам, то есть тому самому аппарату управления, который должен был сам ограничить свою власть. Аппарат же всегда находил способ прямыми, косвенными, двусмысленными решениями уберечь себя от контроля.

Более или менее удачные реформы как в социалистических странах, так и в капиталистических обычно намечались группой специалистов, главным образом ученых и общественных деятелей, которые работали под руководством лидера страны. Так было, скажем, в Венгрии, Югославии, Китае. В Японии я встречался с профессором Охита, который считается автором японского «чуда». В ФРГ план реформ был составлен в свое время профессором Эрхардом, который впоследствии стал канцлером страны.

Второе — «народ безмолвствовал». Теперь, опираясь на опыт гласности, мы особенно ясно видим, как мало было сделано, чтобы проинформировать людей о прошлом, о реальных проблемах, о намечаемых решениях, не говоря уж о том, чтобы включать самые широкие общественные слои в борьбу за реформы. Сколько раз слышал в эту пору: «А чем Хрущев лучше Сталина? При Сталине хоть порядок был, бюрократов сажали и цены снижались». Не случайно в момент октябрьского Пленума ЦК КПСС в 1964 г. едва ли не большинство во всем обществе вздохнуло с облегчением и с надеждой ожидало благоприятных перемен.

И последний урок. Он касается самого Хрущева. Этот человек, острого природного политического ума, смелый и деятельный, не устоял перед соблазном воспевания собственной личности. «Наш Никита Сергеевич!» Не с этого ли началось грехопадение признанного борца с культом? Прилипали топили его в море лести

и восхвалений, получая за это высокие посты, высшие награды, премии, звания. И не случайно, чем хуже шли дела в стране, тем громче и восторженнее звучал хор прилипал и льстецов об успехах «великого десятилетия».

Древние говорили; «Судьба человека — это нрав его». Никита Хрущев стал жертвой собственного нрава, а не только жертвой среды. Торопливость, скоропалительность, эмоциональность были непреодолимыми его чертами.

Мне рассказывал один из помощников Хрущева об удивительном разговоре, который состоялся у его шефа с Уинстоном Черчиллем. Это было во время визита Хрущева и Булганина в Англию в 1956 г. Они встретились с Черчиллем, помнится, на приеме в советском посольстве. Вот что сказал старый британский лев: «Господин Хрущев, вы затеваете большие реформы. И это хорошо! Хотел бы только посоветовать вам не слишком торопиться. Не легко преодолеть пропасть в два прыжка. Можно упасть в нее»⁶. Я рискнул бы добавить от себя: пропасть нельзя преодолеть и тогда, когда не ведаешь, на какой берег собираешься прыгнуть.

